

А.Е. Левинтов

ГЕНИЙ МЕСТА, СОВЕСТЬ МЕСТА, ПРОКЛЯТЫЕ МЕСТА

Гений, совесть и демон

Благодаря тому, что Платон не построил стройной понятийно-философской системы о гении, как сделано им было относительно государства, человека, Бога, земледелия, астрономии, знания и т.д., то во многих диалогах он лишь касается этой темы, почти всегда передавая “право голоса” своему Учителю Сократу, и таким образом лишь намечает некоторые стороны этой идеи, оставляя нам простор для продолжений. Важнейшими из этих идей, по его мнению, являются:

- гении — побочные дети богов¹;
- гении представляют собой нечто среднее между богами и людьми. Их назначение — «быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью, благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, пророчеству и чародейству. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев — и наяву и во сне. И кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный, а сведущий во всем прочем, будь то какое-либо искусство или ремесло, просто ремесленник. Гении эти многочисленны и разнообразны»²;
- гений подает знамения человеку, которым необходимо следовать, он является как бы внутренним голосом³;
- гений сопровождает бессмертную душу человека при рождении и после смерти, ведя сложным путем и образом на суд, после которого оставляет ее¹;

¹ Платон. Апология Сократа // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — С. 70 – 96.

² Платон. Пир // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 81 – 134.

³ Платон. Апология Сократа, Федр, Теэтет // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 1-2. — М.: Мысль, 1990, 1993.

- «наши союзники — это боги, а равным образом и гении, мы же в свою очередь — достояние тех и других»²;
- гении занимают в духовной иерархии срединное положение между звездами и полубогами, они — «виновники истолкований; их надо усердно почитать молитвами за их благие вещания... даже их близкое присутствие для нас неявно. [они] причастны удивительной разумности, так как это племя понятливое и памятлиное»³.

Важно, что лишь в отечественном платоноведении и науке о мифологии «гений» (дословно «порождающий») впрямую синонимизируется с «демоном» (дайменом), олицетворяющим злой рок, тяжкую судьбу и неотвратимый удел несчастий. Зло, по Платону, бесплодно, и это обеспечивает Добру победу.

Демон сопровождает нас лишь на коротком отрезке жизни и представляет собой испытание нас судьбой.

Строго говоря, природа гения у Платона сродни совести (со-вести) как каналу коммуникации между монадой души и всеобщим Духом. В этом смысле со-весть стоит над индивидуальной и коллективной (общественной) моралью и нравственностью. Совесть может также интерпретироваться как вмененные нам на генетическом уровне культурные нормы (европейская версия совести) или память о прошлых инкарнациях (восточная версия совести).

Тема совести представляется не только близкой теме гения, но и не менее важной. По мнению Ю. Борода⁴, человек произошел от совести: бесконечного переживания отцеубийства из эротических побуждений. Близких взглядов придерживается Владимир Лефевр⁵, который, продолжая мысль Достоевского о том, что граница Добра и зла проходит через человека, доказывает и утверждает этическую асимметрию мира (Добра в мире 0.62 и зла лишь 0.38) и ответственность человека за эту асимметрию. Следование совести, таким образом, является не только нравственным императивом каждого, но и является космическим требованием.

¹ Платон. Федон // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 7 – 80.

² Платон. Законы // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1994. — С. 71 – 437.

³ Платон. Послезаконие // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1994. — С. 438 – 459.

⁴ Бородай Ю. От фантазии к реальности. (Происхождение нравственности). — М.: ИФ РАН, 1995. — 270 стр.

⁵ Lefebvre V. The golden section and an algebraic model of ethical cognition // Journal of mathematical psychology. 1985. № 29. — P. 289-310.

«Гений места» за счет собственного обитания обеспечивает обитаемость данного места. Более того, он — носитель и проводник обетования людям данного места, того, что М. Хайдеггер называл

Gegnet, es gibt, данность, дано. Данность, по Хайдеггеру, представлена вовсе не ресурсами (то, что плохо лежит, то есть удобно расположено) или условиями жизнедеятельности («естественными производительными силами», как совсем еще недавно писалось и говорилось). «Данность» представляет собой герменевтический круг понимаемого и осваиваемого мира, выйти за который невозможно, но который можно бесконечно глубоко понимать и осваивать. Данность места определяет не только и не столько границы этой местности, сколько ее содержание, впечатываемые человеческим пониманием и деятельностью следы истории. Данность представляет собой своеобразную символическую действительность места, запечатленность места, его достопримечательность и одухотворенность.

«Гений места», постоянно интерпретируясь в месте, тем самым проявляется и закрепляется в культуре: местная культура выступает с одной стороны как образцы духовных интерпретаций, с другой — как социальные нормы («нравы и обычаи», по выражению Геродота).

«Гений места», будь то город или местность («*toros*» по-гречески, «*cite*» по латыни — город, место, ситуация), не просто порождающий фактор, это — регионообразующий или градообразующий фактор, то есть фактор формирования образа, некоей духовной проекции места, его одухотворения. «Гений места» — своеобразная совесть места, указующая не столько на то, что можно здесь делать, сколько предостерегающая от этически невозможные действия. В этом смысле «гений места» отличается от «совести места», взыскующей о Добре, и несет на себе также онтологию и имя места. «Совесть места» в свое время не допустила реализации проекта затопления Куликова поля под водохранилище гидроэлектростанции.

Идея одухотворения места присуща и язычеству и тотемным примитивным культурам, и христианству, и иудаизму, и исламу, и особенно восточным религиям и мировоззренческим системам (буддизм, синтоизм, дзен, конфуцианство) — в разных формах и проявлениях, но с одним и тем же неизменным смыслом. Духовные покровители, патроны, отцы, святые — все они обеспечивают духовный диалог, связь между людьми и той духовной силой, которая признается в этом месте за Бога.

Во многих культурах границу города отмечали так: ставили по периметру храма лучших лучников и по тем точкам, куда падали стрелы, возводили городские стены, чтобы

храм был недоступен для вражеских стрел. Сказка о Царевне-лягушке присутствует в фольклоре многих народов.

Первосвященник Малхиседек еще во времена Авраама устанавливает на скале, служившей языческим жертвенником, первую скинию, а место Салем начинает называться Иерусалимом («Город Бога»). Позже на этой скале сооружаются последовательно Храм Соломона, Храм Ирода Великого, мусульманская святыня Эль Кобре (с этого места конь вознес Магомета на небо, где Аллах дал пророку Коран). «Гений места» Иерусалима и всего этого региона несомненен — здесь зародились все три мировые религии, здесь человечество получило свои важнейшие заветы, здесь ему было дано. По сути, нам, вероятно, никогда не удастся узнать, как и когда возник «гений места» Иерусалима и Иудеи, но ясно, что он будет сопровождать это место и после его гибели (Иерусалим, кстати, погибал два раза, Тит Флавий даже пропахал плугом город, что означало, по римским понятиям и верованиям, конец городской истории, но то, что оказалось справедливо для Карфагена, не смогло преодолеть силы Иерусалимского «гения места»).

Во многих случаях «гений места» хранится в топонимах — от сакральных (Партеид, Афины, Тринидад и т.п.) до бытовых (Варшава, Игарка и т.п.) или героических (Париж, Рим, Александрия и т.п.). Правда, за многими топонимами не стоит ничего, кроме тщеславия и других человеческих слабостей. Таковы топонимы Санкт-Петербург (уж если апостол Андрей признан патроном России, то почему новая столица должна называться не в его честь, а в честь брата Андрея — апостола Петра?) и все Петропавловски, возникшие с досады на собственную мать с ее Екатеринбургом, Екатеринославом, Екатеринодаром и прочими.

Прямой противоположностью осиянных «гением места» являются табуированные места, где запрещена полностью или в значительной степени всякая человеческая деятельность или даже его присутствие. Чаще всего — это места захоронений предков, очаги катастроф и грехов. Одно из наиболее известных табуированных мест — Содом и Гоморра на берегу южной части Мертвого моря, от Авраамовых времен до наших дней смердящее серой и газами, вошедшее в разные языки и культуры как символ грехопадения.

Обычно проклятые места расположены вблизи священных и добрых мест, но ассиметрично меньше их. Так, возле латвийской Аглоне, самой восточной точки явления Богородицы в католическом мире, находится небольшое лесное озеро Мертвое: здесь не селятся птицы, а все попытки людей обосноваться на его берегах заканчиваются трагически.

Табуированные места также хранятся в топонимах, например, «Самотлор» — «Мертвая вода», «Нерюнгри» — «Место смерти зверя» и т.д.

Места совести — места покаяния, метанойи. Катарсис, ремиссия, очищение — вот основные духовные функции этих мест. Уникальным в этом отношении является поле Армагеддон. Реальная битва Иисуса Навина с филистимлянами и апокалипсическая “последняя битва” Добра и зла делают это место одновременно существующим в реальном историческом мире и в виртуальном мире грядущего. Эта двойственность позволяет видному современному талмудисту Адину Штайнзальцу утверждать, что битва при Армагеддоне не прекращается и проходит через каждого человека, ответственного и за себя и за весь мир в победе Добра или зла каждую настоящую секунду существования.

Богом забытые места

Разумеется, далеко не все города и веси одухотворены.

В монотонной структуре абсолютного большинства американских городов независимо от их размеров и функций — даунтаун, мотор-сити, шопинг-центр, чайнатаун, оздоровительный комплекс, малоэтажная селитьба (и в каждом городе — одна и та же инфраструктура, складывающаяся из сетевых бизнесов: Макдональдс и прочие fast food, бензозаправки, авторемонт и торговля автомобилями, торговые плазы сетевых магазинов-монстров, придорожные мотели и отели, банки, аэродромы с аэропортами, церкви протестантских конфессий, прачечные), все это пронизано иерархизированной дорожно-уличной сетью, а церкви, независимо от рода конфессии, выполняют социальные клубно-семейные функции и не несут на себе печати и отголоска святости и гениальности места.

Здесь нет места «гению места» — не до него было при освоении, тем более уж не до него сейчас, а индейских «гениев места» истребили вместе с индейцами.

По совсем другим причинам нет «гения места» и в большинстве советских или освоенных городов, отличающихся не менее удручающей монотонностью инфраструктуры (соборно-партийная площадь с «белым домом» и памятником вождю, промзона, барачная и полубарачная селитьба типа «черемушек», гарнизон, запретка) — здесь властвует демонический дух войны, ГУЛАГа, разрушений и страданий.

В Богом забытых местах одинаково скучно и тоскливо — будь то Пошехоново-Володарск, Курьяново в Москве или Рассел, затонувший в канзасских подсолнухах.

По большей части подобного рода места утомляют однообразием топонимов. Здесь уместно сослаться на статью П. Ильина о советских топонимах, а также напомнить, что только в одной Калифорнии имеется несколько городов под названием Марина, по всем США разбросаны Bunker Hill, Одессы и прочие калиброванные названия.

«Гений места», «совесть места», «демон места», конечно, оставляют свои следы и отметины на земле, но имеют духовный, а потому, по выражению Г. Костинского¹, «вертикальный» характер. Здесь, в мифах, истории, легендах, эсхатологических ожиданиях и пророчествах, и следует их искать, образно говоря, совершать вертикальные путешествия, экспедиции и исследования, а не елозить по поверхности.

Виртуальные места

Наконец, существуют «виртуальные места и города», осененные «гением места», но не реализованные или даже не предназначенные для реализации. Таков «Новый Иерусалим, новое море и новая земля» в Апокалипсисе Иоанна Богослова, таково Беловодье Рериха, Касталия Германа Гессе, Утопия Томаса Мора. Хоббитания Толкиена, Страна Оз Фрэнка Баума, Зурбаган и Лисс Александра Грина и другие миры. Как и мнимые числа относительно натуральных, виртуальные страны, города и местности, представляют собой множество, на порядок большее, чем реальные населенные места.

Региональные духовные диалоги

Региональный мир и мир городов гетерархичны — одно и то же место может лежать в совершенно разных социо-культурных координатах. Поле Армаггеддон принадлежит само себе, Иудее, Ближнему Востоку и Средиземноморью — как минимум четырем регионам. Кунцево сохраняет себя как город, входит в черту Москвы и является также частью Московской агломерации.

С этой точки зрения «гении места» находятся в непрерывном диалоге между собой в некоторых, наиболее напряженных духовно местах. Таков диалог «гениев места» Барселоны, где мрачно-возвышенный антропософический вулкан творчества по имени Гауди спорит с архитектором Барселоны, Пикассо переговаривается с Веласкесом, а Готико — с безудержным Сальватором Дали. Хуан Миро, Казальс, предприниматели «Саха de repenciones» и клуб любителей Рамблы с Кайфующей Жирафой — все это конкорданс «гениев места» по имени Каталонский модерн. И вместе с тем — это Испания, где в жарком мареве Андалусии под одной из площадей Севильи распростерт прах Мурильо, над площадью Америк носятся белоснежные голуби, в тиши Алькасара таится романтическая любовь, у входа на стадион — отважный Эскамильо, рядом с табачной фабрикой — Кармен,

¹ Костинский Г. Д. Когда земля была квадратной // География. 1997. № 34. — С. 32 – 36.

в тени склонившихся в сиесте ив над Гвадалквивиром в сладчайшей неге спит обворожительная и живая студентка, в Севильском соборе покоится одна из версий Колумба, в каждой кабачке слышится смех дона Жуана и Фигаро, а пропотевшие солью виноградники и сырые подвалы Хереса-де-ла-Фронтеры творят самое фантастическое вино в мире. А ведь еще есть в Испании Кастилья — страна замков, есть Страна басков, есть Валенсия, холмы Ла Манчи, есть Тарифа, столица ветров, где на одном пляже табличка «Атлантический океан», а на соседнем — «Средиземное море», Толедо и все это — впечатляющий хор солирующих и концертирующих между собой выразительных и прекрасных «гениев мест».

Этот не всегда явно слышимый говор «гениев места» и составляет духовную канву города и края. Каждый мальчишка крошечной Кармел мечтает стихами Робинсона Джефферса о том, чтобы орел истребил его тело. Этот пацан, смотря на Волчий мыс, видит «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона. И точно также его сверстник из Сан-Франциско овевя духом фотинайнеров, головокружительных искателей золота.

Резюме: конструктивы региональной политики и проектирования

С точки зрения региональных исследований и перспективных разработок все сказанное выше может быть собрано в следующую таблицу, позволяющую ориентировать внимание на духовную подоплеку объекта изучения и преобразований:

	“гений места” и “совесть места”	“гений без места” (вир- туальные страны и го- рода)	место без ге- ния	демонические (табуирован- ные) места
святость	+			
легенда, миф	+			
Подвиг	+			
Миссия	+	+		
программа, проект		+	+	
трагедия		+	+	+
проклятие				+

Проектируя город или регион, версию его размещения, его будущее, — знаем ли мы его гения и/или демона? его внеисторическую суть и судьбу? — Это более необходимо, чем инженерные изыскания и роза ветров.

Эпоха «голубых городов» и БАМов из никуда в никуда прошла. Перед нами стоит проблема эвакуаций и сселений. Откуда, из каких проклятых и демонических мест, забытых Богом и не посещаемых гением и совестью, надо вывозить людей, а, главное, как (проектно как?) нам возвращать людей в нормальные места обитания?

Построить город и заселить любую местность можно.

Но перед глазами стоит июньский ослепительный заснеженный мрак Каеркана, что по дороге на Норильск. В блистающей снегом и солнцем ночи стоят страшных цветов и нагромождений дома, все в угольной пыли. Гремят циклопы заполярного производства, а вон там, где все еще огорожено колючкой, была зона для доходяг, откуда уж никто не возвращался и не подавал знаков и признаков своего печального существования.

Построить и заселить любую местность можно, но будет ли это градо- и регионообразованием? Другими словами — будет ли этот место или город образ и, стало быть, будет ли происходить интерпретационный процесс формирования образа (а не московских дразнилок типа Орехово-Кокосово, Чёртаново, Паскудниково и Большая Людоедская (улица Миклухо-Маклая))? Нужны ли еще жертвы проклятым местам, жертвы, имен и судеб которых мы не знаем и знать не можем, но обрекаем их на Балхаш и Чернобыль?

Построить и заселить любую местность можно, но человек предназначен не в жертву демонам и не в позабытье периферийной рутины, а в диалог с Богом и нуждается в «гении места». Это шанс стать человеком каждому.

КРАТЕРНОЕ ОЗЕРО

На самом дне
 Под кобальтовой толщей
 Трехротый Сатана
 Изжевывает трех
 Великих грешников:
 Иуду, Каина и Брута.
 Он изрыгает их
 Изжеванные души,
 Чтоб вновь жевать
 И больше ничего.
 Все остальное мертво

И позабыто навсегда.
Под толщей вод,
Замерзшим Вельзевулом
Пустое ничего,
Расплавленная магма,
Кипящая от ненависти к миру.
На диком острове
Острове Волшебном
Топорщатся проросшие
Сквозь твердь деревья.
С круч голых не бегут
Ручьи, и птицы не взлетают,
Здесь гнезд не вьют,
И каждой капли яд
Тяжелых мертвых вод
Убьет любого — но никто ни разу
Тех мертвых вод не достигал
И жажду избавления от жизни
Не утолял. Безоблачное небо,
Бесстрастная луна
И даже солнце лишь отражаются,
Не заходя сюда.
И ты не заходи.